

тельностью и не была устойчивой, время от времени разрушалась дефляцией. Возникал комплекс эоловых форм: котловин выдувания, дюн и барханов. Верхняя граница таких шлейфов поднималась до 350-400 метров над урезом рек, а нижняя - от первых метров до десятков метров. Крутизна поверхности шлейфов меняется от 3-6 до 10-11 градусов. В Забайкалье такие шлейфы обычны по долинам всех транзитных рек, реже по долинам рек склонов хребтов, в бассейнах которых есть выходы гранитоидов. Л.И. Прасолов по этому поводу писал следующее: "Пески, как правило, во многих случаях распространены по одной стороне долин (Селенга у Селенгинска, Тугнуйская и др.). Располагаются на склонах, обращенных к северо-западу, то есть в сторону господствующих здесь ветров. На параллельных ветру грядках и долинах пески покрывают обе стороны хребтов" [4].

Иными словами, высоты эрозионных уступов, образовавшихся при подмыве шлейфов, не свидетельствуют о каком-то определенном террасовом уровне. Шлейфы могли быть сопряжены как с 10-12-метровой (второй надпойменной), так и 16-24-метровой (третьей надпойменной) террасами рек (верхнечетвертичные пески). И другое - ландшафт во время формирования шлейфов определялся чередованием засушливых и влажных сезонов. Некое подобие саванн, но с сезоном снежных зим. И, видимо, забайкальские страусы обитали в таких условиях.

Находки "кладок", сделанные А.Д. Ивановым в выдувах на поверхности 10-12-метровой террасы Чикоя, уже должны были прекратить споры о том, обитали ли страусы в Западном Забайкалье в позднем плейстоцене, а то и голоцене, или нет.

Однозначно обитали. И теперь следовало бы объяснить их экологию. Надо понять, почему здесь не найдено костных остатков этих птиц. Однако продолжаешь только слышать, читать, что страусы жили в теплую эпоху, а в Забайкалье такие условия были в плиоцене и раннем плейстоцене. И все! Правда, может быть, информация о находках не достигла научных центров, где делалась "погода". Публикации-то местные... Это, пожалуй, еще одна причина. Хотя я заметил избирательность ссылок и в центральной печати. Проще утверждать свое толкование событий, чем аргументированно отвергать доводы оппонента. Но это уже другой, особый разговор.

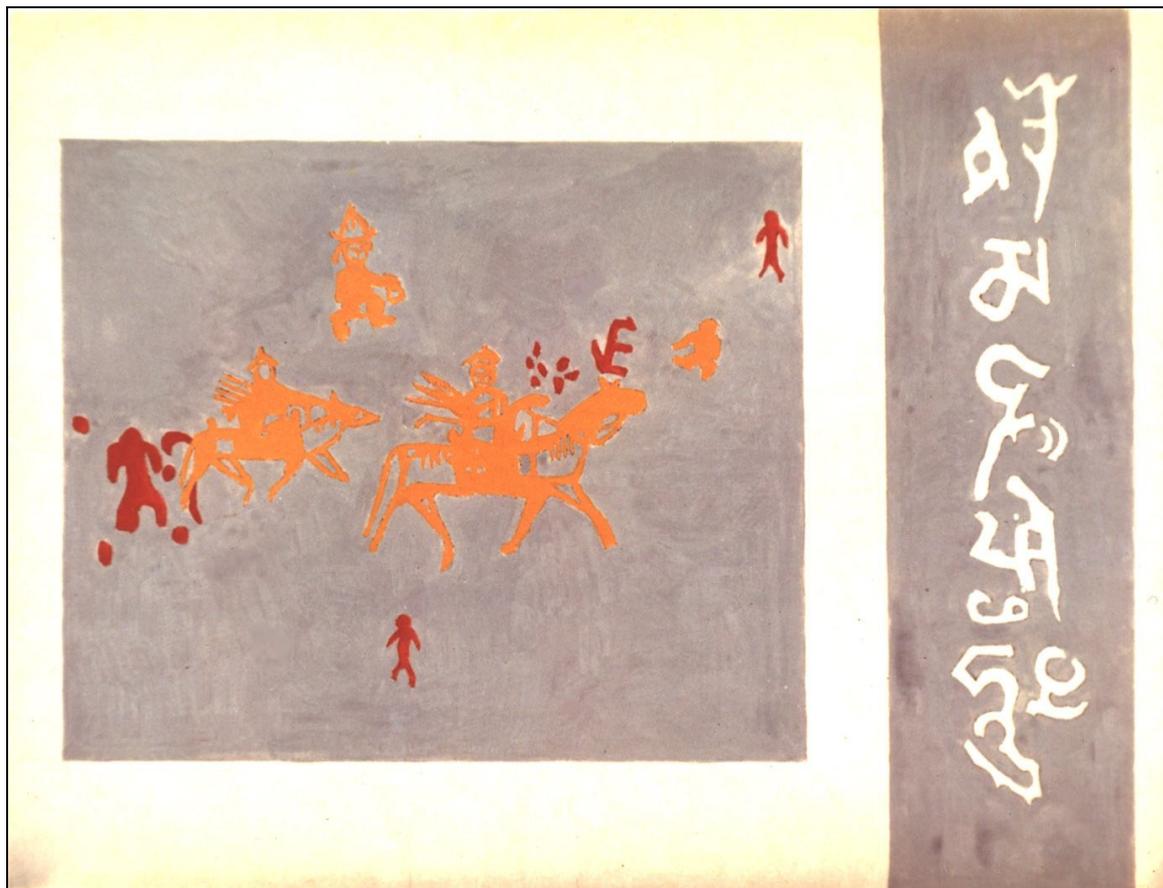
И все-таки страусы совсем недавно - по геологическим меркам - жили в долинах Джиды, Селенги, Чикоя, Хилка, Куйтунки. Там, где всегда преобладали открытые ландшафты. Исчезновение страусов могло быть связано с тем, что древние насельники Селенгинской Даурии промышляли их яйца. В 1928 году Г.Ф. Дебеч в долине Савы нашел фрагмент скорлупы с просверленным отверстием. Находки изделий из скорлупы яиц страусов известны и в Иркутской области. Конечно, они могли быть изготовлены из подобранных близ стоянок обломков скорлупы и без охоты за страусиными яйцами. Изделия могли распространяться по территории как объект мены с соседями. Не могло быть только одного, что в период, когда климат становился более благоприятным для их существования, они вымерли. Скорее всего, страусы стали одной из первых жертв человеческой экспансии. Исчезли они, судя по находкам близ Зарубино, всего несколько тысяч лет назад. В пользу этого мне хочется сослаться на палеолитические изображения птиц, похожих на страусов, в Западной Монголии. Там в одной из пещер Хойт-Цэнхэрийн-агуй, расположенной в 1200 км от Улан-Батора на запад, в 90 км от города Кобдо (примерно на широте сорок семь градусов двадцать минут) они и были обнаружены. Конечно, гораздо южнее местонахождений "кладок яиц" в Бурятии (основная масса находок до 51 градуса северной широты, но встречаются они почти до 52 градуса). Но все же... [5, 6].

"Что касается периода верхнего палеолита и мезолита, то палеонтологи считают, что страусы могли быть современниками мамонтов и жить на сравнительно близком расстоянии от них, более того, они полагают, что страусы пережили мамонтов" [5. С. 22].

1. СОСНОВСКИЙ Г.П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье. // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. - Т. 3. - 1933. - С. 23-29.
2. ОЛЮНИН В.Н. Существовали ли озера-гиганты в Забайкалье в четвертичное время? - // Изв. АН СССР, сер. геогр. - 1973. - № 6. - С. 88-95.
3. РЫЖОВ Б.В. Эолово-делювиальные отложения окрестностей г. Читы. - // В кн.: Современный и четвертичный континентальный литогенез. - М.: Наука, 1966. - С. 190-197.
4. ПРАСОЛОВ Л.И. Южное Забайкалье (почвенно-географический очерк). - Л.: 1927.
5. НОВГОРОДОВА Э.А. Мир петроглифов Монголии. - М.: Наука, 1984. - 168 с.
6. МАЙДАР Д. Памятники истории и культуры Монголии. - М.: Мысль, 1981. - 174 с.

УВИДЕЛ? САМ И ОПИШИ!

Надеясь заинтересовать младших по возрасту и сроку приобщения к профессии коллег, увидев интересные объекты и явления, я часто предлагал им постарательней их зарисовать, описать увиденное. Сам же ограничивался очень краткими записями в дневниках, как бы показывая коллегам: вот видите - я не беру себе ничего, вы должны это сделать так, чтобы материал потом мог лечь в основу публикации. Сейчас я очень жалею об этом, как уже жалел и прежде, полагая, что уж эти молодые увлеченные люди обязательно сами сделают все, что нужно с такими интересными фактами, но... Факты часто вообще не вводятся в обращение. Нет ни публикаций, нет упоминаний и в рукописях отчетов, нет фотографий, по которым хоть как-то можно было бы восстановить прежде виденное.

**Илл. 35. Петроглифы в районе Ангар-Хоя
(неолит, средние века, XVIII век н.э.)**

Теперь думаю, что если у тебя есть интерес к каким-то объектам, явлениям, событиям, работай с ними сам. Не дари свои наблюдения никаким симпатичным или несимпатичным коллегам, а тем более "хозяевам" объектов. Не скрытничай, выкладывай все свои впечатления, но тщательно документируй, рисуй, фотографируй сам. И сам пиши, публикуй. Поступай так, чтобы в тебе чувствовали конкурента, тогда, может быть, они поспешат описать, опубликовать.

А жалею я оттого, что эти факты полузабылись и на них уже нельзя основывать какие-то свои построения. От этого недоделаны работы, так как и попасть на те объекты не сможешь...

Много объектов было, которыми я не собирался заниматься. Со временем я понял их место в моих построениях, в общей картине... Понял еще, что описание природных объектов должно делаться как можно полнее. К сожалению и этот вывод пришел поздно. Трудно стать энциклопедистом.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ ВСЛУХ
(с обидой в голосе)**

Я иногда вспоминаю один очень давний разговор, состоявшийся с моим бывшим однокашником. Он несколько пренебрежительно отнесся к моей работе из-за того, что в ней, по его мнению, было маловато данных анализов различных проб [1]. А главным достоинством своей считал большой объем аналитики. И это меня очень огорчило. Моя работа была написана на основе данных, что я собрал попутно с геологическим картированием, с работами по геологическому дешифрированию.

Поэтому должен был трезво оценивать необходимость тех или иных анализов в каждом случае, должен быть экономным даже тогда, когда кто-то из коллег соглашался взять расходы на аналитические работы на себя, так как образцы были отобраны на территории, где мои интересы совпадали с интересами геологических партий. За это я расплачивался своим трудом, консультируя, помогая сделать карты, отдешифровать аэрофотоснимки. Материал, отправляемый в лабораторию, тщательно отбирался. Количество анализов всегда было в несколько раз меньше отобранных в маршрутах проб, образцов. Больше ориентировался на изучение взаимоотношений между объектами, на прослеживание их, чтобы убедиться в постоянстве их характера... Я должен был ломать голову, чтобы рационально и корректно использовать чужую документацию буровых скважин, так как пробурить даже одну мелкую скважину я не мог.

Со временем я забыл горечь этой встречи и потребовалось десять или более лет, чтобы ее почувствовать вновь. Я уже уехал из Бурятии, но интереса к ней не потерял [2]. Следил за публикациями. Читая новый сборник статей, полученный из Улан-Удэ, встретил статью [3], напомнившую то же чувство. "До последних лет лучше всего во многих отношениях были изучены базальты Джидинско-Хамар-Дабанского вулканического района. Благодаря работам М.Е. Медведева (1968, 1978) базальты, залегающие в центральной части Хамар-Дабана, впервые получили достоверную возрастную привязку, вещественную характеристику и были датированы как миоценовые" [3. С. 91]. Будто бы все верно. Абсолютные даты Медведев привел давно, что придало в свое время мне уверенности в моих построениях, но вывод о миоценовом возрасте "вершинных" базальтов геологически обоснован еще в 1963 году. С М.Е. Медведевым мы встретились в Чите в 1967 году. Я делал доклад "О возрасте

выровненных поверхностей центральных частей хребтов Юго-Западного Забайкалья". И он заинтересовался, на основе каких данных я считаю "вершинные" базальты миоценовыми. Выслушав меня, он как бы потерял ко мне интерес. Логика, построение схем на геологических данных не составляют конкуренции абсолютным датам. Тогда я не обратил на это внимание. Я был счастлив, видя интерес к моему докладу.

Нельзя походя отвергать результаты исследований, где вывод был получен в результате построения мысленной конструкции на основе длинного ряда наблюдений. Тем более, что этот вывод позже или параллельно был подтвержден прямым определением возраста физическим методом. Не должно быть конкуренции между этими двумя способами исследований. Конечно, физические методы прямых определений, скажем, абсолютного возраста дают более однозначный ответ, так как результат менее зависит от потерь неких звеньев в ряду фактов с развитием территорий. Да и эта фраза в публикации... Нет в ней ничего обидного. В фразе можно найти и намек, что кто-то все-таки поработал и кроме Медведева, но... Но все же вес денег, возможности заплатить за некие анализы выше умения думать.

Я часто думал, да и сейчас иногда думаю, что людей заставляет порой не замечать сделанного другими. С одной стороны, наверное, малая образованность или, в лучшем случае, бедность библиотек, доступных научным работникам. С другой, просто небрежение к чужой мысли.

"Что ссылаться на старье?" А факты, выводы? Мало ли случаев, когда факты, собранные прежде в местах, которые стали недоступными для наблюдений, можно извлечь только из этого "старья"? Да и смысл есть знать и помнить тех, кто был первым. Конечно, человек, обнаруживший следы кладок яиц страусов в молодых отложениях в Селенгинском среднегорье, не сделал сногшибательного открытия, но факт добыл ценный. И имя его надо повторять хотя бы потому, что он не побоялся сказать то, что противоречило бытующей парадигме. Но его не помнят. Публикация на основе хорошего материала статьи о страусах, отложивших яйца в песках на 10-12-метровой террасе, через тридцать примерно лет повторяет вывод о существовании страусов в Забайкалье и напоминает о других людях, о первооткрывателях. А еще через двадцать - публикуется статья, в которой авторы убеждены, что ими сделана первая находка кладки яиц страусов в позднечетвертичных отложениях Западного Забайкалья. В цепи этих событий проявили себя все возможные причины: от малой образованности до преднамеренной забывчивости. Я бы мог приводить и приводить примеры.

И себя я должен обвинить в малой образованности. Хотя, понятно, нахожу оправдание, что это не от лени, а от неумения работать в больших библиотеках, незнание возможных источников. К такому печальному по отношению к себе выводу я пришел не вдруг. У меня в памяти несколько фамилий, носителей которых я признаю неким примером для себя. Это не учителя. Это люди, работы которых мне нравятся корректностью. Она и в отношении к фактам, и в отношении к их интерпретации, и, наконец, в отношении к оппонентам, предшественникам. Владимир Николаевич Олюнин, Александр Иванович Москвитин, Евгений Константинович Устиев, Борис Александрович Федорович, Константин Константинович Марков. Только В.Н. Олюнин активно работал в Бурятии. Я с ним был чуть знаком, но его публикации всегда читал с интересом. С Е.К. Устиевым знаком по Магадану, он читал нам курс петрологии. У А.И. Москвитина проходил первую университетскую практику в Поволжье. Других вообще не знал. Но я не случайно вспомнил все эти имена. Полистайте их работы. Обратите внимание на списки использованной литературы. В них и эрудиция, и уважительное отношение к коллегам, живым и умершим.

Ты закончил свою работу, сделал красивые выводы. Ты это чувствуешь. Тебе удалось к тому же все ладно выразить словами... И вдруг ты обнаруживаешь, что существует публикация, чем-то похожая на твою, с аналогичными заключениями. Как

тут быть? Конечно, ты сам пришел к этим выводам, к тому же на других объектах, расположенных в соседнем районе. И теперь надо сказать, что на десятки лет раньше к такому же выводу пришел всеми забытый исследователь, опубликовавший всего-то одну-две работы... Как вы поступите? Не упомяните, так как сами пришли к этому умозаключению, без подсказок? Или как-то сообщите об этой давней публикации? А если вам не поверят, что ваш вывод самостоятелен, а не сделан под впечатлением этой публикации?

"... Селенга - сплошная красота, а в Забайкалье я находил все, что хотел: и Кавказ, и долину Псла, и Звенигородский уезд, и Дон. Днем скачешь по Кавказу, ночью - по Донской степи, а утром очнешься от дремоты, глядь, уже Полтавская губерния - и так всю тысячу верст...". Узнали? Антон Павлович Чехов. Много лет назад я сделал запись в своем дневнике и она по настроению и некоторым сравнениям была похожа на цитируемую. Только скорости перемещения меняются, да транспорт иной. Потом встретился с чеховским текстом. Огорчился... А стоило ли огорчаться? Я не только умом понимаю, как возникают подобные ситуации, но и эмоционально неоднократно их пережил. Но для себя решил - предшественника нельзя не замечать ни в коем случае.

У меня под стеклом на столе среди фотографий, открыток, календарей и прочего лежат два листочка бумаги, на которые выписаны цитаты. "Одна из форм стяжательства - уничтожение или умаление ценностей ближнего" (В. Александров. Из записной книжки. - // Наука и жизнь, 1968. - № 9. - С. 131). Забавно, но я почти до последних дней, когда решил привести эту цитату, читал и воспринимал ее однозначно, примеряя к себе как стороне потерпевшей. И вдруг увидел, что прочитать-то можно и иначе, восприняв ее как мое желание своими статьями умалить ценности оппонентов. Увидев это, понял, какая сложная задача - найти меру мысли, идеи, фактам, вариантам интерпретации фактов. И все же цитата постоянно работает: надо помнить и изучать предшественников, как и современников. И неважно, что они, как и твои коллеги-современники, различны по уму, творческому потенциалу, уровню подготовки.

"Твердость убеждений - чаще инерция мышления, чем последовательность мышления" (В. Ключевский). Не могу найти источник, из которого извлек эту фразу. Воспринимаю как совет больше размышлять над доводами оппонентов, не стремиться непременно отстоять то, что когда-то сказал. Побольше скепсиса по отношению к себе. Однако и перебарщивать не стоит, чтоб не потерять желание работать... Вот и пытаюсь придерживаться этих правил.

Редакции уважаемых изданий и их "темные" рецензенты в принципе формируют не только стиль, но и содержание публикаций. Если и разрешаются различия в мнениях, то чаще всего они не бывают концептуальными. Серьезного оппонента, высказывающего обоснованное сомнение в правильности существующей парадигмы, на страницы журналов пускают редко. Да и о причинах, заставивших опубликовать такую работу, стоит подумать. По-существу, редакционные коллегии, как лобби в парламенте, защищают интересы определенных групп людей.

Защита докторской диссертации. В зале много людей. Смотрю графику, таблицы на стендах. Появляется раздражение, интерес к работе исчез. Для меня сама работа скучна, тенденциозно подобраны факты, нет никаких противоречий. Все свидетельствует в пользу предлагаемой гипотезы. Ну, а мне известно множество фактов, которые позволяют опровергать предлагаемую модель. Я понимаю: можно не соглашаться с моими выводами или выводами И.Н. Резанова, других исследователей, но игнорировать хотя бы опубликованные факты, не пытаюсь их обсудить, попытаться дать им другое истолкование, некорректно. Да, интерес к работе исчез, появилось чувство брезгливости и любопытство, как работа будет принята залом. Ученым советом... А умиленные члены ученого совета с дифирамбами молодому ученому. Он всех обаял еще до своего выступления.

Не знаю, что моего коллегу привело к археологам. Вероятно, хотел убедиться, что я, показывая коллекции артефактов, собранные по берегам озер Еравны, не врал, утверждая, что все это сделал человек. Может быть и так. Он пошел проверить, прихватив для показа те образцы, что нашел уже он, когда я водил геологов в экскурсию по "стоянкам". Случайно там оказался и гость из Новосибирска. Он сыграл роль змея-искусителя: "Новые пункты? Неописанные находки? Давайте их опубликуем!" Соблазн оказался велик. Тем более, что от соблазняемого-то многого и не требуется. Надо дать гидрографическую схему, показать на ней места сбора артефактов, а все прочее искуситель исполнит сам. И все будет быстро. - "Что? Там еще были люди, причастные к находке? Ну, напишите их фамилии, инициалы". И вот публикуется статья [4], вовлекающая в оборот информацию о новых местонахождениях артефактов, когда основная, гораздо более полная коллекция не была учтена. Местонахождения охарактеризованы случайными находками...

Вообще занятие бессмысленное - морализовать публично. Это не меняет людей. Они прекрасно знают, как каждый поступок оценивается (должен оцениваться, может оцениваться). Они защищают свой участок извлечения (добычи) средств к существованию. Я это понимать начал давно, но для другой среды - политической, а не исследовательской, где, полагал, все должен решать хороший ряд фактов, логика и честное отношение к партнерам, коллегам.

1. АНТОЩЕНКО-ОЛЕНЕВ И.В. Кайнозой Джидинского района Забайкалья. - Новосибирск: Наука, 1975. - 127 с.

2. АНТОЩЕНКО-ОЛЕНЕВ И. В. История природных обстановок и тектонических движений в позднем кайнозое Западного Забайкалья. - Новосибирск: Наука, 1982. - 156 с.

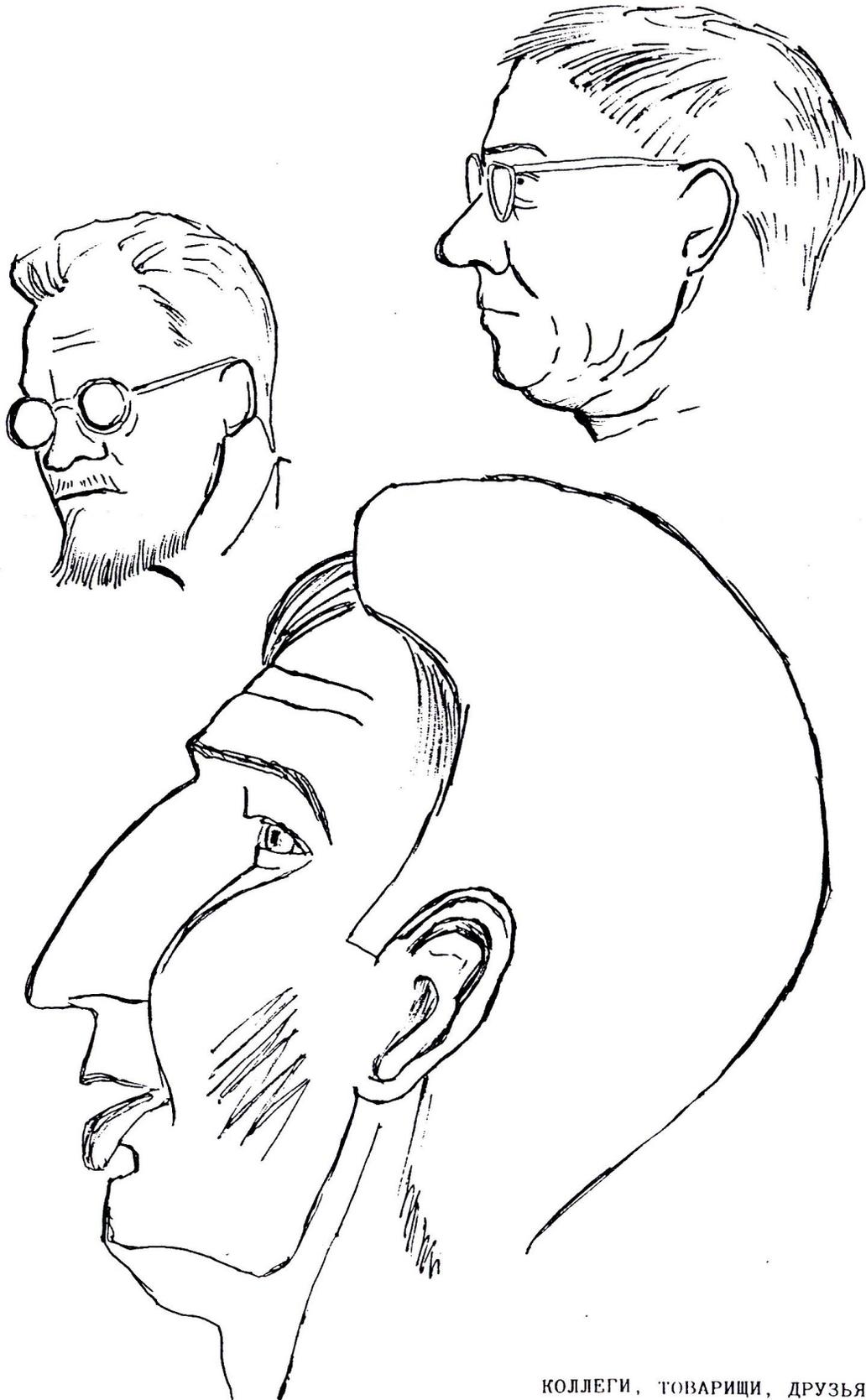
3. БАЗАРОВ Д.-Д.Б., БАГДАСАРЬЯН Г.П. Основные этапы проявления кайнозойского вулканизма Забайкалья и Прибайкалья. - // В кн.: Геология, палеовулканология и рельеф Забайкалья. - Улан-Удэ: 1986. - С. 91-101.

4. ЛАРИЧЕВ В.Е., ПРИХОДЬКО В.П. Новые материалы по каменному и бронзовому веку северо-восточного Забайкалья. - // В кн.: Бахрушинские чтения 1966 г. - Вып. 1. - Новосибирск: 1968. - С. 172-185.

"ГЕОЛОГИ - БРОДЯГИ, ИСКАТЕЛИ И ХОДОКИ..."

Наш образ жизни мало пригоден для большинства людей. Правда, в стационарных экспедициях есть что-то, делающее ее более или менее похожей на жизнь в городах. С весны до осени (иногда до поздней, до первого снега) нашим жильем становятся палатки. Семьи - жены, дети, родители - чаще всего остаются где-то вдаль, на "берегу". Да и названия наших маленьких палаточных поселений - табор, лагерь - тоже ассоциируются с названиями поселений или кочевых племен, или войск на летних учениях. Наши коллективы обычно малы и всегда кратковременны. Они вновь формируются каждую весну. В эту пору идут устраиваться на работу совершенно для нас случайные люди. Не всегда получался удачным набор рабочих. Были среди них работяги, были и лентяи. Даже не лентяи, а люди безразличные, не имеющие своего дела, какого-либо интереса. Разве можно всерьез за интерес считать желание поесть, выпить, поспать... Все на уровне поддержания биологического существования. Но и среди них были разные существа. Одни - безобидные, если и причиняющие вред, то случайно. Другие - воинствующие, утверждающие порой и действием свой стиль жизни. Это самые ненадежные члены коллективов партий. Их обещания ничего не значат. При первых признаках угрозы, что работу с них будут требовать жестко, могли сбежать, порой прихватив с собой и чужое. К ним можно добавить и алкоголиков, хотя их поведение не определялось мировоззрением.

Работяги могли нравиться или не нравиться в общении, но они всегда приходили в партии "ради интереса". Среди них бывали люди, привыкшие к кочевому образу жизни, к сезонной смене занятий. Когда рассчитываешь быть с людьми рядом чуть ли не полгода, хочется встретить симпатичных тебе. А лучше, если симпатии взаимны. И не только инженерно-техническому костяку партий нужна психологическая совместимость, но и сезонникам, пришедшим с ними работать. В идеале каждый должен бы удовлетво-

КОЛЛЕГИ, ТОВАРИЩИ, ДРУЗЬЯ.

Илл. 36. Коллеги, товарищи, друзья

рять каждого, каждый - всех... Но это практически невозможно. Хорошо, если сможешь быть уверенным, что наблюдения всегда достаточно полны, что пробы, образцы взяты там, где точки отбора показаны на картах. Такова уж специфика: каждый пройденный маршрут не повторишь. Это касается всех. От рабочего с техником до начальника, отвечающего и за хозяйственную деятельность партии, и за методику исследований с учетом условий, в которых ведутся работы.

Вообще принцип подбора людей у каждого свой. Для одного главное найти тех, с кем он сделает лучше работу. Другому важно сделать работу, не нарушая правил, но и не влезая в дебри, ища что-то сверх оговоренного инструкциями. Поэтому "умничающих" в этой партии не будет. Третьему важно собрать хорошую компанию для вольной жизни. Третьи частенько бывали циничными умниками. Они всегда знали, что геологическое картирование трудно контролируемо. А уж сделать грамотную карту они умели. Умели подтвердить ее и образцами, и дневниковыми записями. Различия жизненных установок формальных лидеров определяли дух, характер временных коллективов.

Вот я сказал "случайные люди". Но так уж ли они случайны? Для большинства из них, пожалуй, приход в геологическую партию так или иначе связан с ожиданием большей свободы в поведении, с приключениями. В них, как и во мне, есть что-то, ведущее к бродяжничеству. И истоки не в видимых причинах. Таких, как неудачи в семейной жизни, неспособность найти свое дело и разные другие. Хотя часто так объясняются их поступки "благополучными" людьми. Но причины здесь, скорее, надо искать в подсознании, чем в материальном. Они сложнее, чем лад в семье, обустроенность жилья, достаток... Сужу по себе. Ведь геологию, как профессию, я выбрал нечаянно. Мог я стать и топографом, и лесником. Выбор определялся неясной потребностью жить иначе, чем жили мы с мамой, чем жили ее родные. Я мечтал о путешествиях, но никто не мог сказать, как этого достичь. Я зачитывался книгами натуралистов, путешественников. С Пржевальским, Козловым связаны мои первые мечтания о Монголии, Тибете. К тому же я был безразличен к городу, может быть даже не любил его... Да и среди моих коллег, по-моему, очень мало тех, кто выбрал профессию геолога, понимая ее суть или хотя бы следуя примеру родственников, продолжая семейную традицию.

Одни из нас осваивали геологию как ремесло, оправдывающее перед обществом желание бродяжничать. Другим везло, они, начиная осваивать ремесло с одной целью, вдруг серьезно увлекались своим делом, которое вместе с тем вело их по тем же горам и долам. Но все мы, получив профессию, поступали на государственную службу... При этом оказывались лишенными той степени свободы, какую предполагали иметь во время учения. Человека чересчур контролировало государство. Способов контроля было много: обязательное участие в социалистическом соревновании, охват всех политическим, политико-экономическим обучением, философскими семинарами, все это велось под надзором партийной и профсоюзной организаций... Можно, конечно, было приспособиться ко всему этому: думать одно, а говорить и поступать так, как требуется. Можно было себя обманывать, говоря, что я-то от этого не изменился. Обман и есть обман. Главное ведь то, что тебя вынудили так поступать. "Им" не было нужно, чтобы ты был правозащитником, важно было подчинить тебя. И как только ты стал приспособляться, начинал бояться своего мнения, стал его скрывать, ты ломался. И мало что значило то, что ты оставался свободным в "поле", в маршруте. Настроение портилось от одной мысли, что, вернувшись на базу, в город, ты вновь станешь подконтрольным.

Порой я завидовал тем, кто был презираем в обществе, оставаясь свободным в своем выборе, свободным от контроля за их мыслями, поведением. Я несколько раз был на грани срыва: бросить геологию, город, лишь бы подальше от людей. И счастье, что помогали друзья... И потом - вдруг меня оставляли в покое.

Наивные надежды приобрести независимость... Идущие весной в геологические партии люди, мне кажется, тоже пытались обрести хотя бы на время свободу. Многих из

Илл. 37. Коллеги, товарищи, друзья

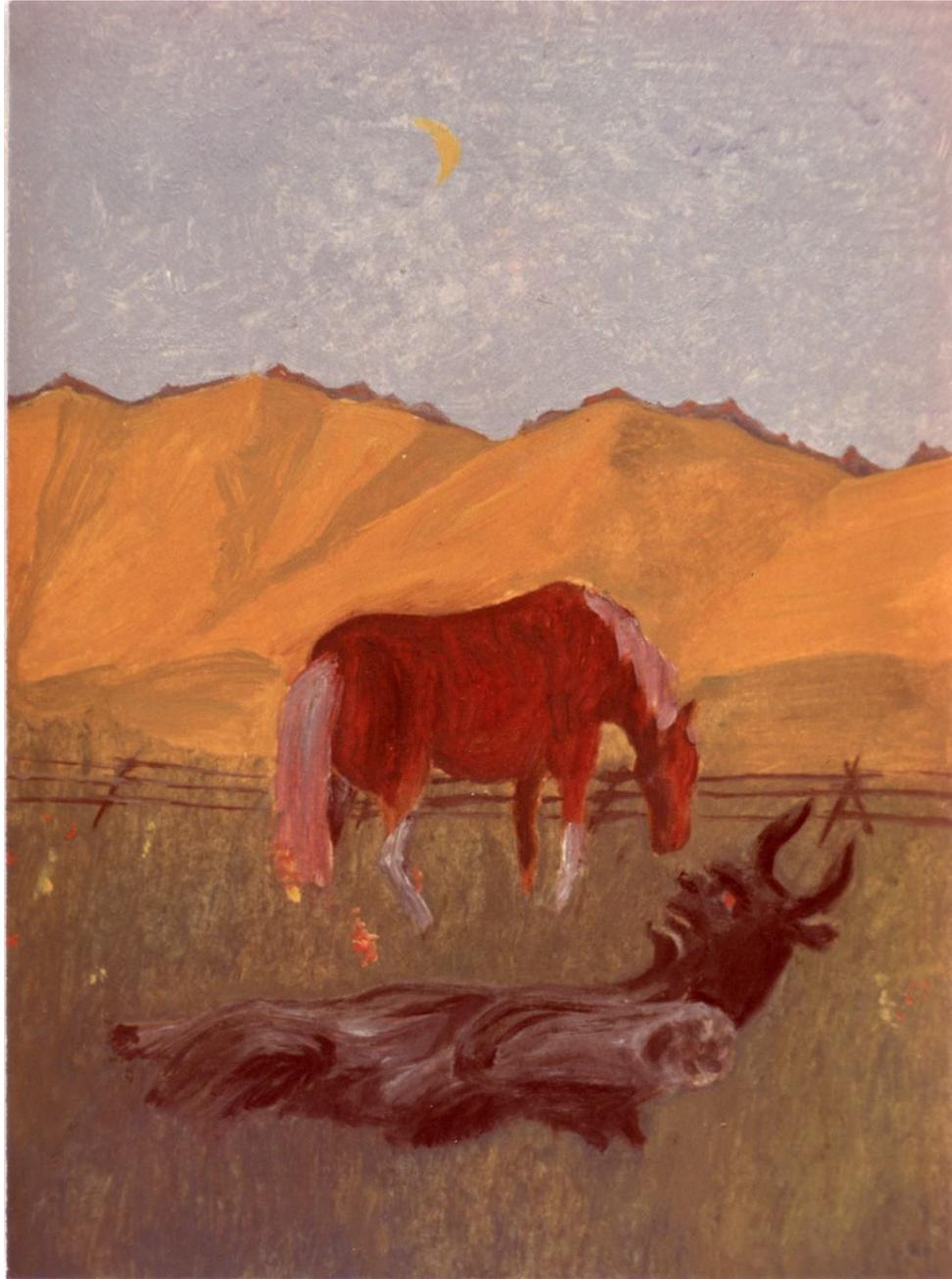
них единило желание бежать от регламентированной жизни, от не ими определенного регламента. У них разное воспитание, образование, разные судьбы, разный возраст, даже разное имущественное положение. Конечно, когда в геологические партии идут деревенские мальчишки после шестнадцати лет, трудно предполагать, что у них те же мотивы, что и у 30-40-летних мужчин. Хотя стремление впервые уйти от опеки родителей сродни желаниям взрослых найти свою свободу.

В соседней партии среди сезонных рабочих оказалась группа парней, пошедших "в люди", чтобы изучить жизнь. Некоторые из них имели небольшой литературный опыт, их сочинения публиковались в журналах, газетах. Богема, исповедующая соответствующий образ жизни. Хотя, судя по отношению к ним старшего геолога партии Ю.М. Холода, они были достаточно прилежными работниками. Читающие, думающие... Они это явно демонстрировали и оказывали заметное влияние на окружающих. К ним липли. Холод их и познакомил со мной. С одним из них общение продолжалось несколько лет. Алексей Васильев мне казался богатырем, но не мог найти, к чему бы приложить свои силы. Искал приключения, думал, читал. Не очень считался с окружающими его людьми. Позже, работая в круглогодичной экспедиции в Гунде, он и отпуска свои проводил в тайге. Как-то, сплаваясь по таежной речушке к Байкалу, поймал энцефалит. Да заболел не один, а с женой, которую обычно делал участницей своих приключений. Стремление к независимости, уходу от идеологического контроля заставляло его обитать на границе с "цивилизацией". Все время в стороне от густонаселенных мест. Потом, когда мы оба, наверное, потеряли интерес друг к другу, он исчез. А вот недавно я узнал из "Московских новостей", что он мало изменился. Так же живет в северной тайге Бурятии. Но работает не в геологической партии, а наблюдателем на водомерном посту на реке Ципикан.

Вот, вспомнив жену Алексея, подумал, как трудно должно быть женщине в компании бродяг. Редкая из них могла прийти к такому образу жизни от свойств характера. Другие же - из любви к бродяге, а не к бродяжничеству. Но чаще это следствие неустроенности жизни, бед. В первый мой полевой сезон в Бурятии я узнал о поразившей меня судьбе женщины, работавшей у нас поварихой. Акулине было лет 35-40. Местная. Из Городка. Можно бы и красавицей назвать, как бы не мешки под глазами, да болезненно-серый цвет лица. Летом сорок первого вышла замуж. Да так случилось, что первая ночь с мужем стала и последней. Ушел на фронт. Работала на прииске. Пески на промприбор тачкой возила. Ожидала возвращения мужа, а получила похоронку. Как ее получила, перестала сопротивляться приставааниям мужиков. Выпивка стыд будто бы снимала. Родила несколько детей... Последнее время не могла найти постоянную работу. Вот и перебивалась случайными заработками. А в нашей партии почти на полгода была привычная по дому бабья работа. Она не бродяга - ей дом нужен. Вообще женщины, даже получившие специальность геолога, обзаведшись семьей, родив детей, меняли специализацию. При первой возможности уходили из съёмочных, поисковых отрядов. Оставались работать на базах партий, экспедиций.

В моем представлении студенты были такими же случайными людьми, что и все прочие, нанимавшиеся на работу. Хотя корпоративность все же сказывалась, их легче принимал. Однако как в рабочих, так и в практикантах надо было увидеть, насколько они надежны как партнеры. А экстремальные ситуации бывали весьма разными, порой совершенно неожиданными. Вот увела старая кобыла всех лошадей. Увела по еле заметной, давно заброшенной тропе на неработающий прииск. Она когда-то в том поселке возила продукты. Остались мы с кучей имущества вдали от жилья, без средств связи. Палатки, спальные мешки, пробы, запас продуктов, да мало ли что еще было во вьюках для трех лошадей. Помощи ждать не от кого, надо выкручиваться. Нашли следы. Рабочие пошли по ним. Вернулись верхом через сутки. А потом был обычный маршрут, будто бы ничего и не случилось. Это надежность.

Принять решение мало, надо его реализовать. А это порой целиком зависит от партнеров. Поэтому у таких бродяг существуют нормы, определяющие права и обязанности. Каждый отвечает за других, как за себя. Не важно, кто ты по чину. Мы в маршруте обязаны беречь друг друга и сделать дело. Когда ты уверен в партнере - результат лучше.

Илл. 38. Вечерний пейзаж

МОИ ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

ДАЛАХАЙСКАЯ. На южном склоне Хангарульского хребта, у правого борта долины горной речки Цакирки расположен небольшой улус с названием Далахай. Здесь конечный пункт автомобильной дороги, начинающейся у села Дугулур, от автотрассы Закаменск - станция Джида. По имени улуса и получила название наша партия. Хотя, если давать имя партии по поселкам на территории работ - она могла стать и Утатской, и Санагинской, и Енгорбойской.

Горная тайга. Только на поймах рек - луга, да на дне Санагинской котловины - луговая степь. Хотя, луговая степь есть и в верховьях Нуда. На хорошо прогреваемых склонах, обращенных на юг, на подрезанных речками шлейфах у их подножьев встречались клочки сухой степи.

Когда я появился в экспедиции, партия уже проработала один полевой сезон. Без своего материала в камеральный период плохо. Однако образовалось кое-какие мои умения пришлось кстати: описание прозрачных шлифов горных пород и дешифрирование аэрофотоснимков. Эти занятия мало влекли других и я оказался при нужном деле.

Илл. 39. Дархантуйский мотив

В городе, пока никак не связан с коллегами бытом, о взаимоотношении с ними не думал. У меня есть свой круг общения: в этом же году в экспедицию пришло много молодых специалистов из Воронежского университета. Обжитие и красный уголок экспедиции, комсомольские дела... Рабочий день занят плотно. Работал усердно и даже весной при защите отчета заслужил похвалу. В общем, на полевые работы нового сезона выезжал, чувствуя себя вполне полноправным сотрудником.

Из Улан-Удэ выехали на грузовике, устроившись на мягком снаряжении, заполнившим кузов. Долгий путь - около 400 км -, частая смена ландшафтов и впечатлений утомили. В Цакир приехали с темнотой, отправившись из Улан-Удэ на рассвете. Следующий день был пасмурным. Дом, двор, где мы поселились, располагался на краю села. Вверху серое небо сквозь чуть опушившиеся ветви лиственниц, внизу - серые глыбы базальтов. И чужие люди. И желание скорее уехать дальше, к месту работы - в Далахай.

Илл. 40. Пейзаж Нижней Джиды

Только в полевом лагере начал понимать: состояние коллектива зависит от каждого. Виктор Иванович Пелепягин, Цырен Бадмаевич Точимаев как-то исхитрились не допускать панибратства при всей их доступности, умели вести себя так, что их должностное старшинство признавалось всеми. В партии царил атмосфера доброжелательности. И все же я не мог избавиться от ощущения случайности коллектива. Возможно, это только мое восприятие. Сам я не был ни с кем открыт, хотя от общения не отказывался, ни от каких дел не бегал.

Маршрутные рабочие были из Улан-Удэ. Молодые люди, работавшие на заводах, захотели попробовать вольных хлебов. Но в маршрутах им скучно. Попытки завлечь идущего со мной рассказами о сути наблюдений не оправдываются. Гундит, следя за стрелкой, гуляющей над шкалой радиометра. Всем видом демонстрирует желание скорее вернуться в лагерь, к компании. То и дело поглядывает на часы. А тут то речку надо перейти в брод, то в гору лезть, хотя только что спустились с другой. Подъем - спуск. Подъем - спуск. Ну, явно работа для дураков... Мне это мешает. С согласия начальника партии пробую другого, третьего. В конце концов нашелся санагинский парень. Весной демобилизовался, дома работы нет, а в Городок ехать пока не хочет. Надо возле дома побыть. Маршруты для него удовольствие, прогулка, за которую еще и деньги платят.

Через три-четыре маршрутных дня - день камеральный. На общую карту выносятся абрисы маршрутов. Коллективно обсуждаются наблюдения, сравниваются образцы горных пород. Строится новый кусочек геологической карты. В маршрутные дни контакты с обитателями лагеря ограничены: завтрак, обедо-ужин, короткое сидение у костра. В камеральные же - общение обязательное, профессиональное. Каким оно будет, зависит и от манеры обсуждения, такта при оценке ошибок, промахов. И это в партии было.

Местоположение лагерей меняется, но мало что меняется в ритме жизни. Хотя во второй половине лета часто идут дожди и каждый погожий день используется для маршрутов. Иногда период с погожими днями затягивается, накапливается усталость и начинаешь мечтать о дожде. Надо отдохнуть от маршрутов, да обдумать результаты наблюдений. Страшнее же, когда идут затяжные дожди: материалы наблюдений обработаны, в хозяйстве все переделано, а тут вещи сыреют, противно лезть в воглый спальный мешок... А тут еще начинают раздражать прежде не замечавшиеся черточки характеров коллег, их манеры. И так до первого ясного дня, когда все это уходит.

Для меня, пожалуй, в первый полевой сезон была важна не геология (не было у меня своей темы), а проверка себя в ориентировке, умении ходить, стрелять... Начало полевых работ нагнало на меня страха... Очень трудно дались мне первые маршруты по пересеченной местности. Бросил даже курить. Пока не понял, в чем мой интерес, хватал старательно все, что видел в маршрутах.

Илл. 41. Ночлег в степи

Между прочим...

В Селенгинской среднегорье довольно обильны киртливо-красные глины, но часто они содержат в разных количествах примесь песка, гравия, щебня. Окраска их очень устойчива, она сохраняется даже при многовековом преобладании глины. Даже смешиваясь с глинами, суглинками, супесями, песками другого цвета они долго сохраняют своим отложениям красный оттенок. Чистота разновидностей киртливо-красных глин давно используются как хороший естественный пигмент (английская красная). На Хамар-Дабане мазы густых глин встречаются среди «вершинных» базальтов. И их добывали там, вывозили вьюками, тогда использовали при покраске дацанов.

Илл. 42. Между прочим... В Селенгинском среднегорье

Илл. 43. Старый автошарж

Заинтересовали зеленокаменные толщи. Потом заполучил себе все, что было связано с геоморфологией и четвертичной геологией. Вдруг обнаружил, что в

маршрутах себя стал чувствовать великолепно. Перестали пугать крутые горки. Попробовал закурить. Очень уж жалко было лишаться этого удовольствия. Не мешает курение: бегу вверх-вниз-вверх-вниз. Маршруты веду уже без страданий. Наконец-то освоился.

Ближе к осени, когда геологическими маршрутами удачно отработали площадь съемки, меня пустили наблюдать за речными террасами и их остатками в долинах рек. Расстояния были достаточно велики, а времени оставалось не так уж и много. Решили посадить меня на коня. Я с радостью согласился: мальчишкой легко с ними управлялся... Но в первый день не я ехал на коне, а он на мне. С табора под взглядом конюха он бодро вывез меня, но как только палатки скрылись из вида, конь сменил бодрую рысь на ленивый шаг. И мне никак не удавалось заставить его идти быстрее. Даже пришлось время от времени оставлять седло и буквально тащить коня за узду. К поворотному пункту я с трудом добрался к вечеру. Стоило повернуть назад, как он сам перешел на рысь, порой меняя ее на галоп. Стемнело. Потом вошла луна. На таборе мы с ним появились при лунном свете. Потешались над моим походом до самого поздна. А на следующее утро предложили другую лошадь. Все стало повторяться вновь. Как только я это понял, вернулся назад и отказался от лошадиных услуг.

Изрядно облегчив свой рюкзак, ушел в многодневный маршрут... После возвращения я почувствовал, что отношение ко мне изрядно посерьезнело. Это сказывалось потом и в Улан-Удэ.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ОТРЯД. Усердно работать, тщательно оценивать факты, аккуратней делая выводы, оказывается прежде всего выгодно для себя. Кроме петрографии, я удачно дебютировал и как геоморфолог, и как дешифровщик. В двух последних качествах и был приглашен в тематический отряд, который должен был работать на Витимском плоскогорье в районах действующих и заброшенных приисков.

Я уже был готов выехать на полевые работы, как повестка пригласила в военкомат. Меня отправляли на учебные сборы в Читинскую область. Позже я мог шутить, что на весь город Улан-Удэ нашлось два запасника офицера - сапера и нас каждый год готовы отправлять на переподготовку. Но в этот раз угнетала досада. Район работ мне совершенно незнаком, связь с отрядом условна. Договорился о месте встречи и уехал на военную службу. Вернулся домой в середине лета. Собрал вещи, взял карабин и небольшой аванс и подался в аэропорт Улан-Удэ. Отсюда улетел сразу же, но застрял в Багдарино. Не было погоды в Уаките. К тому же я был единственным пассажиром и должен был лететь двухместным почтовиком... Уакит. В кармане ни гроша. Поиздержался. Более того, меня никто не ждал. Нашлась записка. Там, где дали мне записку, я получил и пристанище, на чердаке, на сене. Получил и предупреждение: "Чтоб не баловался куревом". А потом хозяйка поинтересовалась: "А у тебя, чать, и денег-то нет на жратву?.."И стала выдавать мне утром и вечером по банке молока да толстому ломтю домашнего хлеба. Сытому вообразить трудно мою признательность хозяйке. Чтобы не слоняться без дела, стал знакомиться с окрестностями, делая маршруты. Дней через десять появились и мои коллеги. Встреча состоялась.

Впервые я попал в коллектив, костяк которого составляли буряты. Булгатов Николай Александрович, Прокопьев, Ага Бардымова... Каждого я знал хорошо, но здесь появилась новизна. Всех знаю, но всех вместе не представлял. Естественна потребность общаться на родном языке. Приличия будто бы требуют - раз есть незнающий его - говорите на том, который знают все. Мое присутствие создает для них дискомфорт. Да и формы поведения, выражения чувств, даже формы шуток разные. Иное восприятие фразы. Невосприятие игры слов. И для меня такое положение дискомфортно. А то, что я понимал отдельные фразы, слова, а потом додумывал что-то, это ощущение усиливало. Похоже, что вскоре все это хорошо понял А.Н. Булгатов.

После перехода из Уакита мы оказались в заброшенном приисковом поселке Ципикан. Длинная улица, застоенная добротными домами. Жителей мало. Несколько русских семей. Кажется, две-три китайских семьи. Последние огородничали. У них даже

Илл. 44. Новая Шишковка. Вид на экспедицию из моего окна

красные помидоры купить можно было. Поговаривали, что они и золотишко промышляли. Невыработанные россыпи в районе оставались. Да и мелочь для старательского промысла найти умелому всегда можно... Через Ципикан проходил зимник, по которому завозили продовольствие и промышленные товары в северные районы Бурятии. Эти люди обслуживали зимник. Зимой в поселке отдыхали шофера, экспедиторы. Была здесь маленькая столовая, почта, магазины. На высоком террасовидном увале на левом берегу Ципы располагался местный аэродром, принимавший маленькие самолеты. В дни нашего пребывания в поселке жила группа геологов из Комплексной тематической экспедиции. Да и мы без проблем нашли два дома, в которых разместился отряд. Я в Ципикане пробыл недолго. Сделали ряд групповых маршрутов близ Ципикана. По-моему, Булгатов в них приценивался ко мне. После этого, получив задание, я отделился от отряда. С двумя рабочими, тремя вьючными лошадьми ушел в многодневный маршрут, рассчитывая с первым снегом выйти в Багдарин.

Иными словами, работы в отряде у меня не получилось, но я в то время об этом не думал. К тому же независимые исследования мне нравились гораздо больше. Было интересно, но интересно как путешественнику, а не как геологу, изучающему молодые отложения. Их обнажений практически не было. Поэтому больше внимания уделял наблюдениям за рельефом, рельефообразующими процессами. И удивлялся, видя пейзажи, которые прежде считал типичными колымскими. А они, чередуясь то с лиственничной тайгой, то с сосновыми борами на хорошо дренированных гранитных склонах, на песчаных увалах, придавали сцицифику ландшафту севера Витимского плоскогорья.

ДЖИДИНСКАЯ ПАРТИЯ. Весной 1962 года я узнал о своем переводе в Джидинскую партию. Прошедшая зима была для меня очень полезна. Усердно работал над легендами геоморфологических карт. В первую очередь для Баунтовской партии, в которую входил наш тематический отряд. Используя разные источники, предложил идеологию объединения легенд, разработанных на разных принципах, в одну, которая классифицирует объекты картирования как генетически однородные поверхности. В обсуждение своих проектов вовлек всех: и тех, кто хотел, и тех, кто не хотел. Добился же того, что после зимы меня взяли геоморфологом на составительские работы масштаба 1:200000. Это было мое возвращение на Джиду.

Я познакомился с новым типом коллектива. Две семейные пары и два мужа без жен - постоянный профессиональный костяк партии. Еще почти всегда присутствовал водитель автомашины, изредка нанимались два-три маршрутных рабочих. В.М. Афанасьев с Н. Кузнецовой, Киреевы А.С. и Т.В., Прокопьев и я.

Говорили только по-русски, хотя Афанасьев и Прокопьев - буряты. Все оказались книжниками. При переездах с места на место посещались все сельские, поселковые книжные магазины. Шла охота за книгами. У каждого свои пристрастия, книг покупалось много. В другие годы таких условий просто никогда не возникало и разовых приобретений книг в таких количествах уже не было.

Работалось легко. Мой план работ был принят и в выполнении его мне всячески содействовали. О взаимоотношениях совершенно не думал. Полная самостоятельность в исследованиях и масса интересных открытий для себя. Например, меня удивляло, что несколько десятилетий сохраняются представления о молодости, чуть ли ни о современности базальтовых извержений в бассейне Джиды. Факты, свидетельствующие против, любой геолог мог обнаружить, пройдя с удочкой вдоль Джиды. Хотя бы от устья Модонкуля до устья Зимки... или между поселками Хамней и Михайловка. Впрочем я понимал, что человеком многое берется на веру. Он может быть сверхщепетильным в

стремлении достичь большей точности в описании фактов в собственных исследованиях и разработках, но всегда есть области исследований, которые его как бы не затрагивают, хотя он должен говорить и о них, принимая на веру сделанное кем-то. Вот и меня взяли в Джидинскую партию для исполнения определенных работ потому, что поверили в то, что я буду точным, старательным, что полученным мной данным можно довериться. Это понимание меня стимулировало к большей активности. Мой интерес к объектам исследований поощрялся и тем, что я удовлетворял к тому же и свое честолюбие. Как бы я ни утверждал, что оно мне чуждо, теперь я уверен, что это не так. Просто формы его проявления бывают разными. Меня оно заставляло делать свое дело лучше. Надо было, чтобы принимали результат моей работы, чтобы его хвалили, а не меня. Да и драться я считал нужным за дело, а не за себя.

При всей доброжелательности отношений между сотрудниками Джидинской партии более близких, доверительных отношений не возникало. Никто никого не впускал внутрь себя. Понятно, что самостоятельными элементами выступали не члены семейных пар, а собственно семейные пары и мы, которые были сами по себе. Может быть этот тип взаимоотношений наиболее нормален, оптимален.

ТОРЕЙСКАЯ ПАРТИЯ. В 1963 году я стал старшим геологом Торейской партии, по- моему, по рекомендации А.С. Киреева. Начальник партии был, кажется, его однокашником. Так еще на год я закрепился на Джиде. Партия молодежная. При всей солидности Феликс Давыдов (начальник) был на несколько лет моложе меня. Мне тридцать второй. Старше меня Юрий Ельчугин, служивший на Тихоокеанском флоте в конце войны, и повар, профессиональный охотник. Разница в возрасте с коллегами, на мой взгляд, невелика: до шести лет. Но они почему-то ее усердно подчеркивали. У них своя компания, свои разговоры. Я как бы выпадал. Мне было проще, легче в компании шестнадцати-семнадцатилетних ребят, работающих радиометристами, маршрутными рабочими, рабочими в металлометрическом отряде. Они не замыкались, как более старшие, когда я подходил к костру, входил в камералку на базе, к местам обработки проб. Я не мог понять, да и сейчас не понимаю, почему так было.

В съемочном отряде настроение создавали мальчишки, юноши. Они любопытны. Вечерние сидения у костра часто затягивались до полуночи. Это не создавало проблем. Сельские ребята были привычны к ранним подъемам. Разговоры шли на разные темы. Я, участвуя в разговорах, резал мелкие фигурки из листовенных корней. Это тоже привлекало ребят к общему костру.

Партия организовывалась Давыдовым "под себя", но так уж сложилось, что и он в силу каких-то причин чувствовал себя несколько чужим. А в середине лета он заболел и был вынужден уехать в Улан-Удэ. Я же до поля был знаком только с Тамарой Киреевой, Ельчугиным. И пришлось мне приспособливаться к роли начальника партии. По опыту Джидинской партии я считал, что Тамара толковый геолог, но уж очень она не хотела перечить семейному лидеру. Стал я ей поручать дела, по-моему, интересные. Где-то геологический разрез составить, который после описания прозрачных шлифов мог дать очень много для объяснения геологии. Маршрут пройти. Так как я часто был с ними знаком, то видел те потери информации, что были в ее документации. Обсуждали вдвоем результаты ее работы. Она огорчалась, но от дела не отказывалась. Однажды, после обсуждения ее описаний, зарисовок одного из объектов, я предложил ей вернуться к нему еще раз завтра. Предложил поработать на нем вместе. Она от помощи отказалась, сказав, что все сделает сама: "А ты не теряй времени - делай плановый маршрут". Когда я вернулся, Тамара уже была в лагере. Глаза заплаканные, хмурая. - "Что случилось?" А она опять в слезы. Ну, не видит она всего того, что я из нее тяну. Вина явно моя в ее эмоциональном срыве. Переоценив ее возможности, давал непосильные задания. Как бы я ни винился - такие ситуации возникали потом и с

другими сотрудниками. Просто у них была реакция иной, что не вызывало у меня сочувствия. Опыт начальствования мне не дался.

Была у меня еще одна геологосъемочная партия, но она была настолько необычна для меня, что ее повторение едва ли возможно вообще. Уж очень много компонентов, редко встречающихся, соединено было в ней. Никак не типична была эта партия.

ПОТЕРЯ

Джидинская партия имела почтовый адрес, но на него приходили письма для сотрудников партии, какие-то срочные распоряжения, касающиеся деятельности партии. Общеэкспедиционные, управленческие сообщения, приказы привозил обычно начальник партии, ездивший ежемесячно с отчетами в Улан-Удэ. После одной такой поездки В.М. Афанасьев привез известие о гибели моего однокашника Геннадия Малыгина. Смерть близкого товарища... Меня испугало мое восприятие случившегося. Я не мог плакать, не чувствовал боли от потери. В общем, я не мог реагировать так, как должен бы реагировать человек на смерть близкого. Реагировать так, как я это представлял.

Он погиб в Восточном Саяне. Видимо захотел осмотреть обнажение, к которому можно было попасть, пройдя только через живую осыпь. Это я допускал, зная его интерес к геологическому факту. Но не мог понять, как хорошо тренированный человек, пересекая осыпь, мог упасть на спину, удариться головой о камни и от этого умереть. Сама же беспечность, нарушение правил поведения в маршруте меня не удивили.

После окончания университета мы оказались на озере Иссык под Алма-Атой. Гости у моих родителей, мы не могли не познакомиться с одной из местных достопримечательностей, популярным местом отдыха горожан. Обустроенная его часть нам не глянулась и мы оказались на восточном склоне горной долины, чуть выше естественной плотины, с образованием которой и было связано возникновение озера. Почему-то я не заметил начала забавы. По крутому склону спускались глыбы... Особенно активен был Генка. Он азартно наблюдал, как катящиеся по склону камни набирали скорость, потом начинали подскакивать, ударяясь о лежащие на склоне огромные глыбы. Чем ниже они оказывались на на склоне, тем выше были прыжки. Я взорвался: внизу могли нечаянно оказаться люди... Все это лезло в голову. И нелепость случившегося приобретала смысл предопределенности. Переживал больше от того, что не мог пожалеть Гену, не мог заплакать. И это ощущение очень напугало.

В этот же полевой сезон на севере Бурятии из маршрута не вернулась геологиня, с которой Геннадий дружил. В слухах их уже женили. Геологи, вертолетчики, лесники долго искали ее и бывшего с ней маршрутного рабочего. Застал их в маршруте снегопад. И видимо скрыл все следы.

ГЕРБ УЛАН-УДЭ

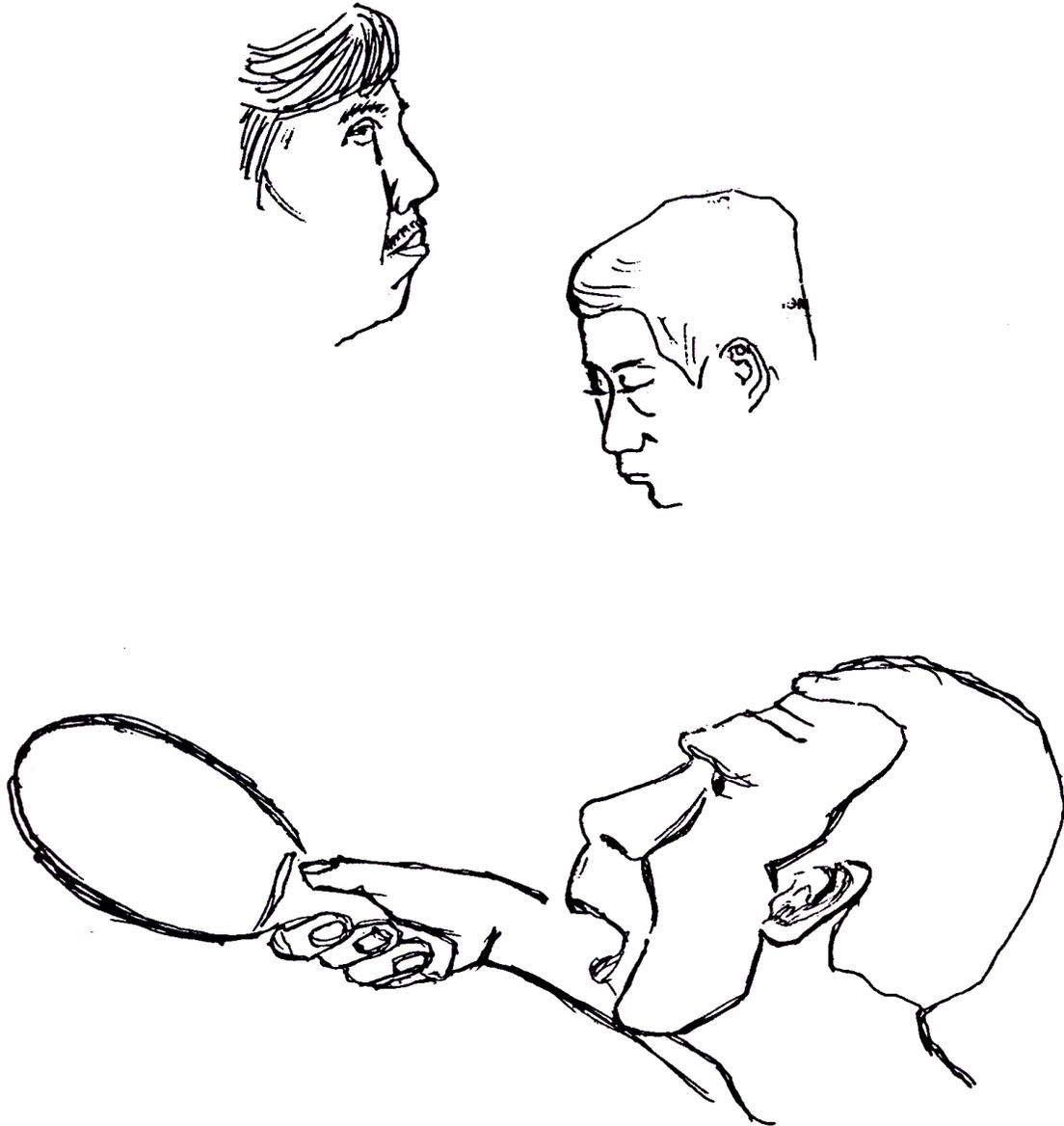
Узнал о конкурсе на герб города и захотел предложить свой вариант. Отправил рисунок, описание. Но никто никак не отреагировал. Да и вообще о результатах конкурса так-таки и не узнал. Прошло время, и забыл об этом. А недавно, перебирая бумаги, встретил эскиз герба. Жалко стало: вот лежит работа, по-моему, симпатичная, а никому она не известна. Так и пропадет вместе с другими бумагами. А вдруг и другим она глянется... Правда, появились новые символы. Внес некоторые изменения в рисунок, раскрыл. Смотрите, пожалуйста.

Основой герба является щит. Все дореволюционные гербы городов России строились на основе немецкого щита. Рыцарь в латах, с тяжелым щитом, с тяжелым

вооружением здесь, в степях, горных степях, рядом с воином-кочевником? Чужой. Не годится. У степного воина легкий круглый щит. Вот пусть он и будет основой герба Улан-Удэ. Пусть круг и определяет композицию рисунка на голубом фоне. Почему на голубом? Чтоб город был верен себе, постоянен в своем развитии. А синий, голубой - цвета верности, постоянства. Узор типа меандр, проходящий по краю круга, - это нить счастья. Она бесконечна, не прерываясь, спряталась под новым трехцветным знаменем Бурятии. Внутри круга еще несколько символов. Дореволюционный герб города, именовавшегося тогда Верхнеудинском, напоминает о прошлом. А языки пламени, лижущие старый герб, как бы говорят, что город сейчас меняется, он в расцвете. Из торгового стал промышленным (шестерня), научным и культурным центром. Знак же "ОЛЗИЙ" обещает ему вечную жизнь.

Илл. 45. Эскиз герба города Улан-Удэ

Илл. 46. Коллеги, товарищи, друзья

МОТИВЫ

(с поклонами, извинениями и прочим, что предшествует прощанию)

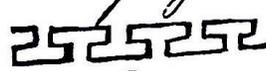
Мог ли я остаться в Улан-Удэ? Хотел ли? Трудно ответить на эти простенькие вопросы. Если бы речь шла только о среде обитания. Если бы я ориентировался только на приятное, дорогое сердцу. Если бы я был праведным, не метался между разными желаниями, порой причиняя боль близким людям, огорчая друзей. Мог ли не уезжать в

Казахстан, когда стал прибаливать отец? Хотел ли я заниматься тем же делом, в том же плане, что прежде? Клубок вопросов. И, в зависимости от настроения, на них могут быть разные ответы.

Еду автобусом на Джиду. В Михайловку, Закаменск, Санагу... В любимые места. Они в сознании отчуждены от людей. Привлекательность их никак не связана с общением с живущими там. Я стремлюсь туда, ожидая археологические, палеонтологические находки, новые интересные геологические факты. Люди? К моему делу они не имеют отношения. Просто встречая благожелательных, добрых, легче делать дело. Нет среди них ни друзей (что досадно), нет - и врагов. И вдруг в автобусе

Между прочим...

Знак - символ. Цвет - символ. Украшая ими предметы быта, элементы жилища, часто передают разные пожелания обитателям жилищ, владельцам украшенных предметов. Знаки...

 - леандр, нить огастье;

- олзий, он приносят человеку огастье, благополучие, движение; он передает ветровое движение и ветровую музыку;

 - гал, стилизованные языки пламени, символизирующие расцвет, возрождение.

Цвет... Синий, голубой - верность, постоянство. Желтый - любовь, чувства симпатии. Красный - радость, цвет победы. Белый - чистота, невинность, благородство. Зеленый - процветание, благополучие. Черный - несчастье, угроза, измена, мрак, зло. Цвет обозначает и "стихии". Синий - дерево. Желтый - земля. Красный - огонь. Белый - железо. Черный - вода.

Илл. 47. Между прочим... Знак - символ...

молодой бурят, носящий русских. Просто так, просто он их не любит, как не любит и тех, кто внешне похож на них. Он здоров и ищет повод к ссоре, драке. Случай. Глупый случай.

Я со студентом приехал в Санагу. Прошло лет 8-9, как я здесь работал. Приятные воспоминания. Надо сделать несколько небольших дел. Нужно дня два. Но вот напасть, перед тем, как пойти осматривать обнажения, решили сварить чай. На берегу Цакирки. Где-то метрах в ста ниже по течению группа девушек. Вдруг они заметили нас и с воплями бросились бежать в село. Расхотелось и чай пить... Потребовалось около получаса - образцы отобрали. Пошли на базу геологосъемочной партии. К Ламатханову. Там никого нет, кроме хозяина дома. Распоряжений ему никаких не было. Пускать к себе не хочет. Все это узнаем после того, как с трудом нашли переводчика. Увидели автобус, на котором приехали сюда - сразу же решение - возвращаемся в Закаменск. Надо же: такое невезение в один день. А тут еще странное свойство восприятия. Сколько было доброжелательного, но вот выбрало оно только эти случаи, объединив их в одну идею: "уюду".

Лето 1990 года. Близ Петропавловки трое молодых бурят, узнав, что я никак не могу уехать к станции Джида, заботливо меня сажают в пойманный ими какой-то служебный автобус. Шофер-бурят, довезя меня до какого-то поселка, не оставляет на Джидинском тракте, а останавливает несколько машин, пока не находит одну, идущую на станцию. Сажает меня в нее и я, полный благодарности, умиленный, оказываюсь на станции.

Мое дело. Конечно, у меня остались какие-то недоделанные дела здесь, в Бурятии. Или там? Не знаю: пока здесь. И я хотел бы их доделать, но ведь это только бы немного уточнило картину, восстановленную прежде. На доделки нужно было год-два, но специального времени и средств на это не было. Я это знал. И сам бы едва ли бы дал другому, если бы ими распорядился. В тоже время я чувствовал, что все, чем продолжаю заниматься, делает меня просто ремесленником. Нужно обновление темы, нужна смена занятий. В лаборатории геоморфологии и четвертичной геологии есть сильная инерция в устремлениях, она не даст скоро сменить направление исследований. Хотя бы для себя одного.

Письмо от отца с рассказом о его болячках, об ожидаемых операциях, лежании в больнице. Теперь каждая не доставленная сразу же телеграмма ("Зайдите на почту, Вам телеграмма") ассоциируется с ним. Беспокойство. И придумать, что делать, как поступить, не могу. Ехать в Алма-Ата? Что ждет с работой, жильем, заработком? Это одно. Другое - друзья. Конечно, письма, встречи. Даже в одном городе встречи были редки (дни рождений, какие-то другие заметные даты). Конечно, бывало и так, что рядом были подолгу... Здесь будто проблем нет... Совесть. Совесть успокоить логикой, оказывается, можно. Все делаемое будто бы и для других благом оборачивается... Все мотивы вдруг забываются, остается главный. Надо ехать, чтобы быть недалеко от отца. Это становится объяснением поступка. Все. Уехал.

Уехал, но не забыл. И уже двадцать лет я возвращаюсь в Бурятию. Она во мне, в моих размышлениях. На новом месте нет друзей. Они разбросаны по России. Университетские - в Якутске, Петропавловске-Камчатском, в Москве... Остальные - в Улан-Удэ. Редкие письма, еще более редкие встречи. После посещения Бурятии в 1990 году понял, что она уже сильно изменилась и нужно заново привыкать. А времени на это не осталось. Вот и продолжаю жить в выдуманной мной Бурятии. Выдуманной и реальной.

Все это понимая, почему-то очень хочу туда, в Бурятию. И не знаю, как можно совместить свою Бурятию (здесь!) с Бурятией там? До встречи.